

Чжуан Лин оторвался от его губ лишь тогда, когда у Хань Хэна уже едва не затекла шея. Он смотрел с лихорадочной тревогой, и его глаза потемнели.

— Что мне делать? — хрипло спросил он.

Хань Хэн вздрогнул. Упершись обеими руками в края лаза, он судорожно задышал:

— Погоди... Я попробую сам. Стой смирно и не двигайся, здесь внизу пещера...

Кое-как изогнув шею, он после нескольких отчаянных попыток сумел просунуть голову обратно внутрь. Чжуан Лин тут же исчез из виду, но снаружи донесся его встревоженный, зовущий голос.

Хань Хэн снова заглянул в узкую расщелину, сквозь которую уныло капал холодный дождь.

— Внизу действительно пещера, и довольно просторная. Сухарей у меня полно, дней на десять точно хватит, да и пресный источник тут есть, так что без воды не останусь. Я весь день этот лаз расширял, расковырял пальцами вот эту дыру. Только сил совсем не осталось, рук поднять не могу.

— Я сам её расширю, — отозвался Чжуан Лин. — Спускайся вниз, найди сухое место и отдохни.

— Хочу смотреть на тебя.

Снаружи видны были лишь его лихорадочно блестящие глаза — само лицо Хань Хэна полностью поглотила тьма.

Дыхание Чжуан Лина было обжигающим. Он никогда прежде не испытывал ничего подобного; сердце колотилось в груди так бешено, словно готово было вот-вот выпрыгнуть наружу. Снова опустившись на колени у лаза, он просунул руку внутрь и ласково перебрал мягкие волосы юноши.

— Тогда береги себя. Если камни сверху зашевелиятся, немедленно отскакивай назад.

— Ладно. И ты тоже.

Шум ливня заглушал всё вокруг. Едва Чжуан Лин собрался убрать ладонь, как Хань Хэн судорожно перехватил его пальцы и, глубоко вздохнув, негромко произнес:

— Дождь слишком сильный. Может, вернешься на рассвете? — Он замялся на миг. — В такой ливень копать опасно, обвал может случиться.

Тут наверх, задыхаясь, взобрался Цзячу. Упершись руками в колени, чтобы перевести дух, он горячо закивал:

— Господин Хань дело говорит! Смерч, а не ливень, молодой господин. Я могу прямо сейчас взять ваш жетон, доскакать до ближайшей управы и пригнать оттуда людей. К тому же у нас нет никакого инструмента. Даже если захотим копать, голыми руками этот монолит не взять.

Чжуан Лин посмотрел с лихорадочным блеском. Он крепче сжал ладонь Хань Хэна:

— Чем ты ковырял землю?

— Маленьким ножиком. Весь день возился, лезвие теперь всё в зазубринах, живого места нет.

Если бы Чжуан Лин его не разыскал, Хань Хэн даже боялся представить, что бы с ним стало. Он бы просто заживо сгнил в этой глуши, запертый в природном склепе, мимо которого и живая душа не пройдет.

— Цзячу, — ледяным тоном скомандовал Чжуан Лин. — Живо отправляйся в уездную управу и потребуй двадцать человек.

С этими словами он швырнул ему тяжелую металлическую пластину.

Поймав жетон, Цзячу всё ещё колебался:

— Молодой господин, но ливень же стеной! Вам нельзя оставаться здесь на всю ночь. Раз господин Хань цел и невредим, в пещере ему ничего не грозит, да и еда у него есть...

— Слишком много болтаешь.

После этого резкого окрика Цзячу не посмел возразить ни слова. Он торопливо скинул свой непромокаемый плащ, набросил его на плечи господина и, молча поклонившись обоим, скрылся в бушующей ночной темноте.

Хань Хэн хранил молчание. По-хорошему, ему следовало прогнать Чжуан Лина вместе с Цзячу, но у него просто язык не поворачивался сделать это. Момент упущен — отпускать его теперь категорически не хотелось.

— Знаю, о чем ты думаешь, — Чжуан Лин присел у камней. — Даже не надейся, я никуда не уйду.

Его куртка на груди насквозь пропиталась водой, по лицу струились холодные потоки.

Снаружи бушевала непогода, в то время как Хань Хэн сидел в сухой пещере, защищенный от шквального ветра.

— Когда ты выехал за мной? — спросил Хань Хэн. За обе свои жизни он ещё ни разу не оказывался в такой отчаянной, понизывающей до костей ситуации. Его голос заметно дрожал от холода.

— Стоило тебе уйти, как мои люди доложили о слежке. Я тут же вернулся и обо всём расспросил тётушку Юнь, — Чжуан Лин резко замолчал.

Хань Хэн задрал голову. В крошечной тьме он не видел лица собеседника, но всем телом ощущал его пристальный, тяжелый взгляд.

— И что сказала моя мать?

Чжуан Лин помедлил, словно подбирая слова для чего-то крайне неприятного.

— Ну же, говори.

— У тётушки Юнь свои соображения. Ни одна мать не пожелает, чтобы её единственный сын путался с женщиной, — негромко произнес он. — Это я виноват. Слишком сильно на неё надавил.

— И что ты ей наговорил? — Хань Хэн почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Почему у всех вокруг какие-то тайны, и только его держат за дурака?

— Я сказал, что буду заботиться о тебе до конца дней.

«Блядь, да это же всё равно что прямо заявить матушке, что мы спим! — Хань Хэн опешил. Да, они действительно сошлись, но нужно же было дать женщине хоть какое-то время прийти в себя, привыкнуть к этой мысли!»

Он с трудом выдавил:

— Значит... это моя мать натравила на меня тех людей?

— Не вини тётушку Юнь, — мягко оборвал его Чжуан Лин. — Тебя похитили тайные стражи императорского двора Великой Лян. Этот старик, Старина Чжу, давно копал под тебя. Я ведь просил тебя не соваться лишний раз на улицу. Рассказать тебе всё напрямую я не мог — ты ведь ничего не помнишь из прошлой жизни, лишние знания только лишили бы тебя покоя. Не знаю, что наплел ей этот Чжу, но она наверняка решила, что твое исчезновение — единственный способ спасти тебя от меня.

— И поэтому ты решил тащить всё на собственных плечах? — Хань Хэн от злости едва не прикусил язык. Сердце колотилось от обиды и глухой ярости. — Я же тоже мужик, твою мать! Если ты собираешься и дальше всё решать за моей спиной, как мы, по-твоему, жить-то дальше будем?

Слова сорвались с губ раньше, чем он успел подумать.

Хань Хэн замер, ошарашенный собственной тирадой.

Что за бред он несёт? Он что, всерьез строит планы на совместное будущее с Чжуан Лином? Разве он не был свободным современным человеком, привыкшим жить моментом: сошлись — хорошо, разбежались — ну и ладно? Они ведь всего-то переспали несколько раз, с какой стати он заговорил о «дальнейшей жизни»?

Ну и дурак же.

Хань Хэн судорожно сглотнул и поспешно пошел на попятную:

— Я к тому, что раз уж это касается меня, ты обязан был предупредить заранее! Знай я всё, разве допустил бы такое? Тянул бы время до твоего возвращения, из кожи бы вон вылез! И вообще, тебе нужно было уйти вместе с Цзячу. Дождь льет как из ведра, заболеешь ведь! — Он потихоньку забормотал себе под нос: — Если свалишься с лихорадкой, кто меня завтра откапывать будет?

Чжуан Лин тихо, хрипло рассмеялся.

Хань Хэн почувствовал, как к лицу прильнула горячая волна — то ли от смущения, то ли действительно начинался жар. Он попытался высвободить ладонь, но Чжуан Лин лишь сильнее сжал пальцы.

— Я не мог вести за собой погоню из столицы. Император доверяет мне лишь на словах, и я не хочу давать врагам лишний повод сделать из тебя мишень. Ты ведь виделся со Старинной Чжу? Должно быть, я знатно прижал его к ногтю, раз он решился на такой шаг.

— Да сколько его людей ты уложил? — Хань Хэн покачал головой. — Поначалу он был со мной шелковым, прямо-таки излучал почтение.

— Излучал почтение?

В голосе Чжуан Лина скользнуло явное недоумение. Хань Хэн насторожился:

— А что не так?

— Да так... Люди из Великой Лян всегда считали меня исчадием ада и даже прозвище дали премерзкое. Я думал, этот старик отыграется на тебе. Всё-таки они наверняка разузнали, кто мы друг другу.

Хань Хэн невольно улыбнулся:

— И кто же мы друг другу? Никто.

Не успел он закончить фразу, как его руку бесцеремонно рванули наружу, вытянув почти по локоть. Хань Хэн округлил глаза, но в непроглядной тени разглядеть ничего не сумел. Он лишь почувствовал, как сухие, горячие губы Чжуан Лина прижались к его тыльной стороне ладони, а затем медленно, щекотно скользнули к самым кончикам пальцев.

— Эй, ты... — вспыхнув до корней волос, Хань Хэн попытался вырвать руку обратно, но опоздал: Чжуан Лин внезапно приоткрыл рот и нежно втянул его палец внутрь.

Влажный, горячий язык скользнул по подушечке пальца, и Чжуан Лин сжал губы, слегка причмокнув.

Хмельная, тягучая сладость волной прокатилась от кончиков пальцев прямо к сердцу. У Хань Хэна подкосились колени, дыхание перехватило, и он беспомощно выдохнул:

— Чжуан Лин, прекрати!..

Вместо ответа тот с еще большим рвением обхватил губами его средний палец.

Разозлившись, Хань Хэн резко согнул палец крючком и бесцеремонно царапнул его за язык. Только тогда Чжуан Лин с неохотой выпустил его руку.

— Ты мне язык прикусил, — обиженно пробормотал Чжуан Лин.

— Совсем спермотоксикоз замучил? Трахаться тут всё равно негде. До рассвета-то долго ещё? Спрятался бы где-нибудь от дождя, здесь же должно быть сухое место под козырьком.

— Скоро рассвет. Около получаса осталось.

Хань Хэн нахмурился:

— Да ну? Мне показалось, ночь только-только началась.

— Тебе показалось. Время летит быстро.

Поколебавшись, Хань Хэн подергал рукой:

— Пусти, я спущусь ненадолго.

Чжуан Лин нехотя разжал пальцы. Немного переведя дух, Хань Хэн восстановил силы. Он ловко спустился на дно пещеры, повесил на шею узел с провизией и, цепляясь за выдолбленные днем уступы, вскарабкался обратно к лазу.

— Проголодался? Поешь, — Хань Хэн порылся в узле. — Тебе лепешку или кукурузный хлебец?

— Всё равно.

— Давай лучше лепешку, хлебцы слишком сухие.

Разломив лепешку пополам, Хань Хэн протянул половину Чжуан Линю.

Один сидел под проливным дождем снаружи, другой — на холодном валуне внутри. Они молча жевали черствый пресный хлеб. У Хань Хэна уже сводило челюсти, но он упрямо заставлял себя глотать кусок за куском. Им обоим нужны были силы, чтобы продержаться до утра. Переживут эту ночь — а дальше всё наладится.

— Безвкусная, да? Жевать хоть можешь? — спросил он. В такую холодную ночь лучше было говорить, чтобы не уснуть. Сам-то он мог вздремнуть, но каково придется Чжуан Линю снаружи?

— Нормально, — отозвался тот. — После сухих кореньев и древесной коры это почти деликатес.

— Ты ел кору?

— В походах и не такое жрать приходится. Змей, мышей, жуков — всё, что ползает и шевелится. Ради куска мяса готов землю носом рыть.

Чжуан Лин говорил об этом удивительно спокойно, словно рассказывал о каком-то обыденном пустяке.

— Мы... действительно собираемся воевать с Великой Лян? — нерешительно спросил Хань Хэн.

— Что тебе наговорил этот старик?

— Да ничего особенного.

Разговор мгновенно угас, атмосфера сделалась натянутой.

Лишь спустя какое-то время Хань Хэн снова нарушил молчание:

— На самом деле они просто обознались. Никто не собирался использовать меня как рычаг давления на тебя. Помнишь, когда ты вез меня сюда, мы останавливались на постоялом дворе? Ты тогда еще выколол глаз одному из его подручных.

Чжуан Лин ненадолго задумался, а затем ответил:

— Было дело. Но даже если бы ничего не случилось, я бы всё равно отделал его. У них при себе были императорские жетоны, я сразу их приметил. Жаль, мой намек до них не дошел. Знать бы заранее, что эти твари посмеют протянуть к тебе свои грязные лапы, я бы придушил их прямо там.

От того, как обыденно, словно за чашкой чая, Чжуан Лин рассуждал об убийстве, у Хань Хэна по спине пробежал легкий холодок. Впрочем, заикливаться на этом он не стал. Он уже давно понял: ему придется приспособливаться к этому жестокому миру и привыкать к методам Чжуан Лина, если он хочет остаться с ним. Какую бы дорогу они ни выбрали в будущем, иного пути не было.

Никто здесь не станет делать ему поблажек только потому, что он пришелец из другого мира. Эту тайну ему суждено унести с собой в могилу.

— Испугался? — Чжуан Лин истолковал его молчание по-своему и поспешил объяснить: — Эти псы не знают пощады. Для императорского дома Великой Лян они — самое преданное и смертоносное оружие. Ты просто не видел, как они допрашивают людей. Это изощренные, хладнокровные пытки.

Хань Хэн молча кивнул, но, спохватившись, что собеседник его не видит, тихонько отозвался:

— Понимаю.

— Если они обознались... за кого они тебя приняли?

То ли Хань Хэну показалось, то ли в голосе Чжуан Лина действительно прозвучали нотки с трудом подавляемой тревоги.

— Похоже, они приняли меня за своего Государственного наставника. Помнишь, Старина Чжу и его люди крутились на том постоялом дворе с портретом? Видимо, я просто лицом на него похож.

— Тогда они точно вернутся за тобой. Завтра же уносим отсюда ноги, — отрезал Чжуан Лин.

— Этот человек настолько важен?

— Да. Если они верят, что ты и есть Государственный наставник Великой Лян, они костями лягут, но утащат тебя во дворец.

Хань Хэн немного помялся, но всё же добавил:

— Вообще-то... есть один парень, вылитая копия этого наставника. Кажется, они уже нашли себе замену. Не факт, что они станут утруждать себя поисками меня.

— Замену? — Чжуан Лин презрительно фыркнул. — Государственного наставника невозможно кем-то заменить. Его величие и благородство неповторимы. Во всем мире не сыскать второго такого человека.

— Ну, если заявить, что он выжил, но потерял память и изуродовал лицо — прямо как я, — то, возможно, подлог и сработает. — Слышать столь восторженные речи о каком-то там наставнике Хань Хэну почему-то было неприятно.

— Ты просто не видел, какими глазами император Великой Лян смотрит на своего наставника. Даже если весь мир обознается, он своего человека из тысячи узнает.

Чжуан Лин раздраженно взъерошил мокрые волосы. В его голове навязчиво крутилась одна-единственная мысль: «Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы император Мин увидел Хань Хэна». Как бы ни изменился его характер, повадки или внешность, Чжуан Лин на подсознательном уровне панически боялся, что монарх мгновенно узнает истинного Хань Хэна при первой же встрече. Страх этот казался иррациональным и ничем не подкрепленным, но отделаться от него юноша не мог.

— Чжуан Лин, — негромкий, полный беспокойства голос Хань Хэна вырвал его из плена невеселых мыслей.

— Да, — глухо отозвался он.

— Ты спать не хочешь?

— Нормально всё. Если устал — спи, не думай обо мне.

— Я не хочу спать, — тихо прошептал Хань Хэн, и между ними снова повисла недоговоренность.

В груди Чжуан Лина нарастал удушливый, лихорадочный жар. Не выдержав, он резко, почти грубо потребовал:

— Подвинься ближе. Дай мне взглянуть на твое лицо.

Хань Хэн послушно приник к самому краю лаза, виновато опустив глаза. В тусклом свете его изуродованное лицо выглядело почти пугающе.

— Может, раны воспалились? Кожа чешется ужасно.

Холодные пальцы Чжуан Лина бережно коснулись его щеки. Вид этих багрово-синих шрамов, уродующих кожу, на удивление быстро вернул ему душевное равновесие.

С таким лицом никто на свете не посмеет утверждать, что он — тот самый блистательный наставник. Даже император Мин не признает его. Это уродство принадлежало только Чжуан Линю. И этот новый Хань Хэн, которому еще только предстояло переродиться, тоже будет принадлежать исключительно ему.

Чжуан Лин мягко приподнял его подбородок, а свободным пальцем нежно провел по длинным, густым ресницам юноши.

Когда эти влажные, пленительные миндалевидные глаза испуганно распахнулись, глядя на него, Чжуан Лин не выдержал. Одержимый вспыхнувшим вожделением, он яростно впился в его тонкие губы, сминая и безжалостно кусая их. Жаркая волна мгновенно ударила в пах. Лишь когда Хань Хэн начал задыхаться и тихонько захрипел от боли, Чжуан Лин с трудом оторвался от него.

Он медленно облизал потемневшие губы и глухим, хриплым от страсти голосом произнес, словно принося нерушимую клятву:

— Я защищу тебя. Никто не посмеет забрать тебя у меня, никто не причинит тебе вреда. В этой жизни ты будешь только моим. Где бы ты ни оказался, я везде тебя отыщу.

Эти исступленные, тяжелые слова наотмашь ударили Хань Хэна в грудь. Сердце испуганной птицей затрепетало под ребрами, но где-то на самом дне души шевельнулось странное предчувствие. На фоне этой всепоглощающей, безумной страсти Чжуан Лина его собственная симпатия казалась жалкой и несерьезной. С его скудным опытом современных свиданий предел мечтаний Хань Хэна ограничивался тем, чтобы просто лечь под этого красивого парня.

Но Чжуан Лин, судя по всему, жаждал гораздо большего.

В этот миг Хань Хэну стало одновременно и сладко, и неловко — так чувствует себя человек, получивший высокую награду, которой совершенно не заслуживает.

<http://bllate.org/book/20487/2260581>